

К ИЗУЧЕНИЮ ПЕНСИОНЕРСКОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ШУБИНА. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

*Работа представлена аспирантурой Государственного Русского музея.
Научный руководитель - кандидат искусствоведения Е. В. Карпова*

Статья посвящена изучению архивных документов - рапортов Ф. И. Шубина (1740-1805) в петербургскую Императорскую Академию художеств, присланных из Парижа и Рима. Они являются важной документальной базой для изучения пенсионерского творчества скульптора (1767-1773). В статье впервые полностью публикуются три рапорта Шубина с соответствующими комментариями.

The article is devoted to the study of archival documents - reports sent by F. Shubin (1740-1805) from Paris and Rome to the St. Petersburg Imperial Academy of Arts. These reports serve as an important documental basis for the study of the sculptor's creative work during the period of training abroad (1767-1773). Complete texts of Shubin's three reports are published for the first time with corresponding comments.

Заграничная стажировка Ф. И. Шубина (1767-1773) является наименее исследованным периодом в биографии выдающегося русского скульптора и имеет большое значение для изучения истории отечественного искусства. Уже в Париже и Риме проявилось своеобразие пластического мышления и творческих устремлений выпускни-

ков петербургской Академии художеств Ф. И. Шубина и Ф. Г. Гордеева, а также их младших современников Ф. Ф. Щедрина, М. И. Козловского, И. П. Мартоса и И. П. Прокофьева. Влияния художественных традиций европейских школ ваияния были по-разному восприняты каждым из названных скульпторов. Во многом общей

проблемой в изучении их раннего творчества является небольшое число сохранившихся произведений пенсионерского периода, а также недостаточно полное освоение документального материала. Особенно это касается Федота Ивановича Шубина (1740–1805).

Документальной базой для изучения пенсионерского творчества скульптора являются рапорты, присланные им (и его спутниками) в петербургскую Императорскую Академию художеств из Парижа и Рима. Эти материалы впервые полностью представлены автором в архивном приложении к кандидатской диссертации¹. В данной статье публикуются и комментируются три рапорта Ф. И. Шубина.

Вместе с Федотом Шубиным в Париж были посланы архитектор Иван Иванов и живописец Петр Гринев. Выехали они из Санкт-Петербурга 23 мая 1767 г. и 12 июля прибыли во французскую столицу. По требованию Императорской Академии ее пенсионеры должны были присылать отчет о своей жизни и учебе не менее одного раза в четыре месяца, что они старались неукоснительно соблюдать. Ровно через месяц Иван Иванов отправил первый рапорт в alma mater. Последнее послание пенсионеров Императорской Академии из Рима было написано 2 ноября 1771 г. В общей сложности в Петербург было отправлено семнадцать довольно подробных отчетов, раскрывающих различные аспекты пребывания молодых русских художников за границей. Двенадцать рапортов было послано из Парижа, из них только четыре документа написаны непосредственно Шубиным.

Документ I²

В Императорскую академию художеств от находящихся в Париже оной академии пансионеров Ивана Иванова, Алексея Иванова, Ивана Мерцалова, Семена Щедрина, Федора Гардеева, и Федота Шубина.

Покорнейший репорт

Как о том уже известно Императорской академии художеств кто из нас у котораго

профессора обучается того и не повторяю а единственно имею честь донести обо всех, и о себе в чем мы упражняемся .<...>

<...> Господин Гардеев окончивши барельеф который был им композирован представляющий когда мирноносицы пришли к Гробу Господню и увидя ангела сидящего на отваленном камне от предвсрии гроба где употребил натуру как для платья так и для тела, чем господин Лсмуан учитель его чрезвычайно быш доволен и прочим его рекомендовал, а после сего начал еще другой также барельеф представляющий Диогена сидящего в бочке пред Александром Великим; также обыкновенно каждой день ходит в академию лепить с натуры.

А я окончавши Меркурия, учитель мой не находит за нужное мне более копировать с гипсов а советует делать с эстампов славных мастеров как то Пуссена, Рафаэла и пр. эскизами в барельеф говоря, что сие нужно и полезно как для положения места, так платья и видов; следуя оному делаю по утра оныя барельефы, а после полудни рисую с древних гипсов которыя имеются у моего профессора, композирую также в каждую неделю один эскиз по приказу моего учителя: хожу всякой день в академию, иногда леплю а иногда рисую с натуры, делаю также круглыя и в барельеф портреты под смотрением моего учителя.

Августа 23 дня были в St Denis где видели изрядно зделанную катафалку для погребения королевы, и ходим в назначенные дни в Люксембурх, и в королевскую библиотеку и не единого в Париже места примечания достойнаго касающагося для нас не упускаем.

Вечернее и праздничное время учимся музыке и употребляем старание к приращению разума своего и продолжаем всё принятое в академии учение наше дабы оно возрастало с успехами теми с которыми мы явится долженствуем; но и чтоб с оным же показать незабвенную память открывшей путь нам к оному. <...>

В приведенном документе имеется только дата его получения (9 августа 1769 г.).

Поскольку послание из Парижа в Петербург шло чуть больше месяца, то можно предположить, что рапорт был послан в начале июля. Вскоре количество пенсионеров петербургской Академии в столице Франции увеличилось: 27 сентября 1767 г. приехали Федор Гордеев, Алексей Иванов, Иван Мерцалов и Семен Щедрин. Вместе с тем 7 ноября 1768 г. скончался «от удущья» Петр Гринев.

Русские стажеры в Париже оказались в особом положении: с одной стороны, они наряду с французами проходили все этапы обучения в Королевской Академии живописи и скульптуры, с другой — это была уже новая форма учебной работы; «в отличие от иерархической последовательности академического курса русской системы подготовки, здесь все эти методы (копирование, работа с натуры и самостоятельное композирование. — С. Б.) сочетались одновременно»³, что, собственно, подтверждает рапорт Ф. И. Шубина. Практика создания барельефов с опорой на произведения прославленных художников наилучшим образом способствовала выработке формальных приемов изображения⁴. В мастерской своего учителя Ж.-Б. Пигаля (1714–1785) Шубин скопировал его знаменитую статую «Меркурий» (1744, Лувр), в которой, как считают исследователи, «сосредоточено все искусство Пигаля»⁵. Знаменательно, что Шубин в своем отчете упоминает также работу над портретами, которая не входила в обязательную академическую программу. Не исключено, что именно под влиянием Пигаля молодой русский скульптор обратился к жанру портрета, в котором французский мастер «чувствовал себя наиболее свободно»⁶, хотя «никогда не стремился основывать свою репутацию на успехах в искусстве портрета»⁷.

Документ 2⁸

В Императорскую академию художеств от находящихся в Париже оной академии пенсионеров Ивана Мерцалова, Федота Шубина.

Покорнейшей репорт

Имеем честь донести Императорской академии художеств что назначенные именно пенсионеры оной Фёдор Гардеев, Иван, и Алексей Ивановы и Семён Щедрин, выехали из Парижа октября 6-го дня 1769 году и которые всеконечно неприминут Императорской академии художеств репортовать по прибытии в Италию.

Сего ноября 11-го дня получены нами ордер из Императорской академии художеств посланы[й] октября 9-го которой был адресован просто пенсионерам оной розпечатавши мы читали; и увидя что нимало для нас оставшихся в Париже не принадлежит, кроме как то что напоминает Императорская академия художеств, чтоб мы таких происков не делали, чего истинно не разумеем что значит. Притом и не знаем надобно или нет сей ордер послать к прочим пенсионерам, которые как уже выше донесено что уехали в Италию, и которым, банкир выдал денег на дорогу в зачёт жалованья, каждому по 12 луидоров.

Чтож касается до упражнения нашего; то господин Мерцалов оканчивает с той же картины рисунок, о которой Императорская академия художеств ведать уже изволит а по вечерам рисует;

Я же начавши круглую фигуру о чём репортовал в прежних репортах представляющая прикованного невольника.

Но получивши ордер июня 24 дня из Императорской академии художеств, которая думала что мы уже в Италии. Чего для я оную фигуру оставил неокончивши, и в приготовлении к отъезду в Рим, и в ожидании второго ордера старался окончить два портрета; а по получении онаго пропшаго сентября 1-го дня, где Императорская академия художеств для меня выгоднее избрала и повелела остаться в Париже. О чём хотя и сожалею что не удалось той земли где находятся наилучшие оригиналы касавшийся как для живописи, так и для скульптуры, но как я уверен что сие не в наказание мне зделано, а единственно для моей

пользы. Но более сожалею о выше упомянутой фигуре что не знал остаться в Париже не продолжил оную оканчивать которой была половина зделана, и назначена была послать в академию будущей весной.

А теперешнее моё упражнение состоит в следующем, хожу я в зал где множество древних фигур снимаю с оных копии в барельеф, единственно для учения и в вечеру обыкновенно каждый день в академии, где леплю, а временно и рисую с натуры. Живу я возле академии где жил господин Лосенков будучи в Париже.

Ноября дня 1769 года Императорской академии художеств в Париже всепокорнейши и всепослушнейши рабы Федот Шубин Иван Мерцалов.

Изначально стажировка пенсионеров Императорской Академии художеств планировалась как во Франции, так и в Италии. По мере приближения срока переезда из одной страны в другую Шубин с товарищами захотели продлить свое пребывание в Париже, для чего Дени Дидро по их просьбе послал соответствующее письмо в петербургскую Академию⁹. Однако приказ пенсионерам ехать в Италию был отправлен из Академии, видимо, еще до получения письма Дидро. Поэтому они, получив этот ордер 24 июня 1769 г.¹⁰, не спешили его исполнять, ожидая окончательного решения вопроса. Второй ордер Академии, полученный 1 сентября того же года, предписывал Шубину и Мерцалову остаться в Париже, а остальным отправляться в Рим. Шубин такому повороту в своей судьбе не обрадовался, поскольку его стажировка во Франции была продлена за счет поездки в Италию. Более того, в результате неопределенности, связанной с переездом из Парижа в Рим, скульптор не сумел закончить работу («Прикованный невольник»), предназначенную для отправки в Академию. Следует отметить, что в этом рапорте Шубин опять упоминает работу над портретами, которые создавал, скорее всего, по част-

ным заказам. По всей видимости, готовясь к отъезду, он старался прежде всего закончить их, а не «Прикованного невольника».

Документ 3 "

В Императорскую академию художеств от находящихся в Париже оной академии пенсионеров Федота Шубина и Ивана Мерцалова.

Покорнейший репорт-

Императорской академии художеств ордер от июня 6-го дня покорнейше получили в конце июля в котором объявлено, что за благоразеудие дозволила нам пробыть Императорская академия пансионерами ещё один год за что мы нижайше приносим ей благодарение уверяя что сие время... с нашей стороны истрачено не будет наипаче находясь в Риме: сколько возможность дозволит; как прежде не оставляли так и ныне не оставим старание и труды употреблять к успеху всяком, в своём художестве дабы могли со временем быть нашему любезному отечеству полезными сынами и заслужить ея Императорского Величества высочайшую оказанную с нами матернюю щедроту. К сему не преминем Императорской академии по предписанному от нея давать знать обо всём.

Императорская академия упоминает в своём ордере к нам будь то бы мы предписанного нам в уставе всего... не исполнили. Что нам весьма прискорбно, ибо мы Императорской академии из прошлого году два репорта посылали как о нашем пребывании так и упражнении чрез здешних коммиссионеров которья в том и сами не отпрутся засвидетельствовать.

Чтож касается до наших трудов, то я нижайше Шубин послал в Академию одну круглую фигуру зделанную с натуры и моего сочинения представляющую в образе отдыхающего пастуха любовь греческую, да голову сжёной глины деланную также с натуры в мнении когда Авраам приносил на жертву сына своего во время явления ему Ангела Господня. <...>

Императорской академии послушнейших нижайших Пансионеры Федот Шубин Иван Мерцалов в Париже Августа 3-го дня 1770-го года.

Это последний рапорт, отправленный Шубиным из Парижа. Он благодарит Академию за то, что она не просто позволила ему побывать в Риме, но ради этого продлила вопреки правилам его стажировку за границей еще на один год (изначально срок пенсионерства предполагался три года).

Являясь творческим отчетом Шубина, оба произведения, посланные в Петербург, предоставляли возможность профессорам оценить различные *Ир*ани его мастерства, как в «экспрессии» («Голова Авраама»), так и в изображении человеческого тела («Любовь греческая»). За исполнение наиболее сложной задачи («Любовь греческая») Федот Шубин получил звание «назначенного» (эта работа не сохранилась). Можно предположить, что молодой русский мастер органично вписывался в художественную ситуацию, сложившуюся во французской скульптуре конца 1760-х гг.¹² Задумывая

«Любовь греческую», Шубин наверняка ставил перед собой задачу, обусловленную стилистикой нарождающегося классицизма, выбрав для ее решения «пастушью» тему. Унаследованная от античности, она была широко распространена во французской пластике второй половины XVIII в. и предоставляла наилучшие возможности для решения новых стилистических задач.

Из заграничных произведений Ф. И. Шубина до нас дошли только портреты, которые, несмотря на свою огромную значимость, все-таки не позволяют создать целостное представление о пенсионерском творчестве скульптора. Существенную роль в решении данной задачи играют рапорты пенсионеров, в которых наряду с бесценным историческим материалом имеются описания выполненных в ходе обучения и не дошедших до нас произведений мастера. Вероятностный анализ этих работ Шубина в контексте развития европейской скульптуры¹³ позволяет нам гораздо полнее представить как сам процесс формирования выдающегося русского мастера, так и роль традиций европейского ваяния в этом процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буглак С. Э. Пенсионерское творчество Ф. И. Шубина в контексте традиций европейской пластики.

² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 370. Л. 2-2об.

³ Марисина И. М. Россия - Франция. Век восемнадцатый. М., 1995. С. 97.

⁴ Во второй половине XVIII в. во Франции в число произведений для обязательного копирования молодыми скульпторами входил барельеф Анжело де'Росси (1671-1715) «Канонизация пятых святых» (1704, Надгробие папе Александру VIII, собор Св. Петра, Рим). Шубин его также копировал. См.: Буглак С. Э. Неизвестный барельеф Анжело де'Росси. К вопросу о пенсионерстве Ф. И. Шубина // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С. 288-292.

⁵ Kalnein W.G., Levey A. Art and Architecture of the 18th century in France. Penguin books, 1972. P. 92.

⁶ Riaux L. Le Rayonnement de Paris au XVIII-e siècle. Paris, 1946. P. 83.

⁷ Gaborit J.-R. Jean-Batist Pigalle, Sculpture dumusfie du Louvre. Paris, 1985. P. 21.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. 4. 1. Д. 370. Л. 10.

⁹ Исаков С. К. Федот Шубин. М., 1938. С. 27.

¹⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. 4. 1. Д. 370. Л. 5.

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. 4. 1. Д. 392. Л. 2, 9.

¹² Предположение основано на исследовании, проведенном автором в диссертационной работе.

¹³ В тексте диссертации рассматриваются близкие по характеру несохранившимся шубинским работам произведения его французских современников Л.-К. Вассе (1716-1772), Л.-Ф. Муши (1734-18(1)и)Ж.-А. Гудона (1741-1828).